

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ 11-12 ВВ.

Книжная культура и вслед за ней литература Древней Руси периода раннего Средневековья были тесно связаны с возникновением и развитием древнерусской нации и Русской земли. Становлению же нации способствовали, в свою очередь, контакты Руси с христианскими народами, прежде всего с мировой империей византийцев. Именно византийская культура и литература в русле ранней кирилло-мефодиевской традиции способствовали возникновению оригинальной древнерусской словесности и храмоздательной деятельности русских князей.

Феномен византийской словесной культуры, как и средневековой, прежде всего зиждется на библейской первооснове. Предтеча славянского книжного Слова - Священное Писание – неизменно ассоциировалось ещё в период раннего христианства с древнегреческим пониманием Слова как Софии (по-гречески *Sophia* – мудрость, или Дар Божественной Премудрости). В связи с этим уточним, что тема Софии Премудрости Божией отразилась в творчестве многих отечественных и зарубежных исследователей. В русле данной темы упомянем работы С.С. Аверинцева, О. Иоанна Меендорфа, М.Б. Плюхановой, обсуждавших домостроительную семантику Божественной Премудрости [1]. «Святая София иже есть Слово Божие» [2] - именно этими словами наименовал архангел Михаил строившийся храм. Св. Софии, согласно древнему византийскому сказанию, вошедшему в хронологические своды.

Для строительства этого храма привозили камни с острова Цветны (Родос), и «соделавша тоу пирамиды и меру и равны в долготу, великы назнамянаны тако: Богъ посреди ся неподвижати; ; поможетъ ей Богъ утро за утро» [3]. Эта надпись из псалма 46 указывает на на-

значение стен Святой Софии « Царицы городов вмещать Премудрость Бога Слова – сакральный центр вселенной» [4].

Таким образом, храм Св. Софии в Константинополе (Царьграде) соединял в себе ветхозаветный образ центра вселенной и образ новозаветного храма - центра земли.

Следует сказать, что первые христианские храмы византийских и староболгарских городов – Солуни, Никеи, Трапезунда, Охриды – уподоблялись Константинопольской Софии. Вслед за ними главные храмы новообращенных градов Русской земли: Киева, Новгорода, Полоцка – были также посвящены Софии, здесь велась интенсивная книжная работа, переводились богословские книги с греческого на древнерусский, создавались летописные своды.

По версии Д.С. Лихачева [5], именно в стенах Софии Киевской прозвучала в виде проповеди устная версия первого оригинального произведения древнерусской литературы «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона в присутствии князя Ярослава, жены его Ирины и работавших здесь книжников. Следовательно, с этого времени (1039 г.) следует вести отсчет возникновению русской литературы как части общекультурного и национального строительства Руси [6].

Отметим, что сопоставление Святой Софии Киевской с идеей христианского строительства, а точнее домостроительства, в эпоху Ярослава происходит не случайно. Как воздвижение Дома Премудрости воспринимали современники построение главного храма Киева князем Ярославом, ибо он укрепил город, создал софийский храм, поставил Золотые Ворота, уподобил славянскую столицу византийской и перенес идею сакрального центра на Русскую землю.

Важно затронуть ещё один аспект сравнения храма с Домом Премудрости. Идея Премудрости связывалась с постройкой каждого храма, поскольку 9-я глава Книги Притчей (9:1): «Премудрость созда себе дом» - читалась на службе основания всякой новой церкви [7]. Уже в составе Изборника 1073 года содержится статья Ипполита в редакции Афанасия Синаита, где истолковывается 9-я притча Соломона, положившая начало софийной иконографии. Притча и толкование ее привлекли внимание Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Иосифа Волоцкого, Иоанникия Лихуды и многих других средневековых мыслителей.

Домостроительная тема развивалась в византийских гимнографических творениях, каковыми являются: канон на Великий Четверг Космы Маюмского, пасхальный канон Иоанна Дамаскина, стихиры на преполовление, служба на начало индикта. Согласно учению Иоанна Дамаскина, характерному для позднего византийского богословия, Божественная Премудрость понималась как «Акт Домостроительства, как воплощение Слова Божьего через Богоматеринство Девы Марии» [8].

Наконец отметим, что софийное Домостроительство в Древней Руси: воздвижение посвященных ей храмов и развитие первых очагов книжности - немыслимо без своего первоисточка – византийского богословия, т. е. логически упорядоченного, систематического изложения христианского вероучения. Примером этому может послужить «Точное изложение православной веры» преп. Иоанна Дамаскина, служившее в течение последующего периода учебником теологии [9]. Откровения святых отцов не ограничивались текстами, письменно зафиксированными в Писании или в решениях соборов, они мыслились живой истиной непосредственного переживания в момент общения человека с Богом или присутствия Бога в его Церкви [10].

На византийской почве, в рамках христианской идеологии, происходит со-

единение античного образа Софии, связанного с Афиной Палладой (мудрой девой-устроительницей) и библейского образа Премудрости-Хохмы (חכמה – ветхозаветного начала бытия, первопринципа Божественного Слова). Подтверждением вышесказанного служат слова св. Иеронима: «В Премудрости сотворил Бог небо и землю...» [11].

Византийское богословие дает свою оригинальную интерпретацию образа Софии, опираясь на труды Оригена, Афанасия Александрийского, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина и других авторитетов церкви. По всем имеющимся сведениям Премудрость понималась как отвлеченный атрибут Божества или же воспринималась как Божественное Слово – Логос – Второе Лицо Св. Троицы.

В сочинении Максима Исповедника говорится, что Христос есть воплощенный Логос, а Логос – начало и конец творения [12]. Следует отметить, что София, согласно раннехристианской аполлогетике, тождественна с каждым из символических образов Св. Троицы: Богородицей, Церковью, Священной Державой. «Это триединство говорило византийцу о вознесении до божества твари и плоти, о космическом освящении» [13].

Уже в 10 иконе богородичного Акафиста происходит соединение образа Девы с софийными образами Дома, Храма, Утверждающего Столпа, Заградительной Стены против хаоса, и союз этот именуется «Шатром Бога и Слова» или «Вселенской Церковью» [14]. В том же домостроительном ключе можно найти упоминание у св. Григория Нисского: «Обручение души христианской (невесты) с Богом Слова (женихом) означает пиршество Премудрости Божией, воплотившейся из утробы Богородицы» [15] – Дома упорядоченного и защищённого мироздания, просвещенного силой Божественного Логоса – пресуществленного Христа.

Идея Божественного Домостроительства не осталась схоластической в византийском богословии. Ибо древнерусская культура, особенно зарождаю-

шаяся в 10-11 века оригинальная словесность, сразу после крещения Руси получает возможность приобщения к общехристианскому Дому Божественного Слова.

Поэтому в ранней Руси 10-11 веков происходит, наряду с христианским строительством и освоением духовного пространства новой веры, созидание Дома Божественной Премудрости. Совпадение идеи Божественного Домостроительства с христианским храмоздательством происходит не случайно, так как построение храмов и развитие словесной культуры происходило параллельно, в тесной софийной зависимости друг от друга. Собор Св. Софии в Киеве создавался в ту же эпоху (1-я пол.11 в.), что и «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. А просветительская деятельность митрополита Климента Смолятича совпадает с градостроительной и храмоздательной деятельностью князя Северо-Восточной Руси Андрея Боголюбского.

Следовательно, литература и культура Древней Руси, появившись в 10-11 веках, начинают осваивать новое для себя христианское пространство – пространство византийского богословия. Следует отметить, что основу оригинальной древнерусской книжности этого периода составляет литература переводная, почти 9/10 всех сохранившихся рукописей образуют исключительно памятники византийского происхождения [16].

Таким образом, специфику древнерусского богословия надо искать не в содержании, а в её структуре. Исходная основа (греческая патристика) была та же, что и в Византии, но интересующие нас разногласия возникли при перенесении этого идентичного содержания из одной культурной среды в другую (явление литературной трансплантации) [17].

Обратимся вначале к той общей доминанте, которая непосредственно роднит богословскую литературу Древней Руси и Византии. В первую очередь, следует отметить вклад древнерусских митрополитов (Георгия, Иоанна II, Никифора I, Кирилла II, Илариона, Климен-

та) и монахов греческого происхождения (Феодосия Грека), благодаря которым ранней Руси стала доступна современная ей византийская литература XI-XII веков, прежде всего полемическая и каноническая, но, к сожалению не гимнография, так широко развитая в Византии. Другим прямым заимствованием из Византии стало зрелое иконопочитание (Чудеса св. Николая, Чудеса Богоматери Владимирской и др.), которое в полной мере привилось на русской почве и получило многочисленные изводы с местной спецификой.

Обратимся, наконец, к принципиальным различиям богословской книжности Древней Руси и Византии.

Если в Византии очевидна непрерывность, плавность перехода дохристианской литературы в христианскую, затрагивающую все сферы общественной жизни, то в Древней Руси ситуация была иная. Принятие Русью христианства из Византии было осознано не только на умопостигаемом уровне христианских догматов, но и в форме книжного Слова. Именно с принятием христианства происходит трансформация в раннесредневековой культуре Руси начертанного Слова. Новозаветные комментарии к ветхозаветным текстам, герменевтические толкования богословами избранных мест Священного Писания определили специфику византийской литературы, а затем и Древней Руси.

Первый просветитель славян, создатель славянской письменности, Константин-Кирилл Философ в «Прогласе святого Евангелия» писал о письменном слове как о целителе всех болезней души. Слово священных книг, имея божественное происхождение, питает души человеческие, приобщая сердца и умы людей к Истине. Без письменности, без книжной культуры, полагает Кирилл, невозможна настоящая жизнь человеческая, ибо «душа безбуквенна мертва являет в человеке» [18]. От Кирилла этот пафос книжной (= духовной) культуры был унаследован древнеболгарской, а затем и древнерусской словесностью.

Отметим, что софийность книжного Слова определила суть русской литературы Киевской поры как созидание общехристианского Дома (Храма) Божественной Премудрости («благодати» в «Слове о законе и благодати Илариона»). Осмысление в софийном ключе «благодати» и сопоставление иудейского «закона» с языческим безвременьем характеризуют антиномичность перехода древнерусской ментальности из одной эпохи в другую: «И когда Бог посетил человеческое естество, явилось ранее неведомое и сокрытое – родилась благодать, истина – а не закон, сын – не раб. Подобаает благодати и истине сиять на новых людей... Ибо не вливают, по слову Господню, вина нового, благодатного учения, в меха старые, в иудействе обветшалые...» [19].

Важнейшим отличием Византии от Руси является отсутствие классической образованности в русском государстве, незнание русскими книжниками философии Платона и Аристотеля [20]. А без владения мудростью античной словесности важнейшие сочинения греческой патристики даже в славянском переводе не вписались в менталитет древнерусских книжников. Вакуум, образованный отсутствием определенного круга знаний и философии в составе богословия, оказал воздействие на развитие литературных жанров. Поэтому гомилетические и агиографические жанры, весьма популярные и ценимые в Византии, на Руси приобрели непропорционально большое значение в ущерб другим, не менее значимым жанрам [21].

Особенность древнерусской богословской литературы 11-12 вв. вытекает из различия в политическом и культурном положении Византии и России. Если Византия в пору своего расцвета стояла во главе христианской ойкумены, семейства государств, скрепленного духовным родством, в котором греческая культура доминировала, то Русь ощущала себя небольшим, изолированным, плохо защищенным и слабо консолидированным союзом князей. «В такой ситуации Русь не получила реальных политических

преимуществ от связи с константинопольской церковью и далекими от неё государствами *Slavia orthodoxa*» [22]. В силу этого характер византийского влияния на Русь неизбежно должен был уступить место подчеркнуто-национальной окраске всех сфер её жизни, в том числе и богословской литературы.

При сопоставлении книжности Византии и Древней Руси бросается в глаза псевдоанонимность многих сочинений Киевской поры (10-12 вв.). Это относится не только к большому числу действительно анонимных или псевдоэпиграфических памятников, но и к тем произведениям, об авторе которых, помимо имени, мы знаем ровно столько, сколько можно извлечь из самого произведения (например, «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»). В Византии же 11-12 вв. биографические источники (письма, энкомии, хроники, послания) значительно информативнее.

Богословскую литературу ранне-средневековой Руси исследователи подразделяют на оригинальную и переводную. Переводная литература обычно ими делится на 4 основных раздела:

- догматическая,
- библейско-толковательная,
- учительская,
- историческая.

Оригинальная литература классифицировалась на следующие виды:

1. Историческая литература, в которую «*de facto*» оказались включены аскетические и агиографические сочинения (летописи, сочинения по хронологии).

2. Учительская литература, куда попало большинство слов и поучений (труды Кирилла Туровского).

3. Путешествия к Святым местам (Хождение Даниила, Книга паломника Антония).

4. Богослужебная литература, т.е. все то, что было написано для богослужебного прославления святых (служба Феодосию Печерскому, похвалы местным святым или чудесам богородицы).

5. Догматическая литература, к которой были отнесены произведения Илариона или Климента Смолятича.

Несомненно то, что все оригинальные литературные виды и их жанры, разработанные древнерусской литературой, пришли в чистом виде из византийского богословия и постепенно обрастали национальной спецификой. Наконец, отметим, что именно христианское строительство 10-11 вв. способствовало развитию первых литературных памятников Древней Руси. А домостроительная (храмоздательная) идея византийского богословия 11-12 вв. повлияла на создание софийной культуры в русском государстве: воздвижение соборов Св. Софии в крупных городах того времени и отражение софийного строительства в древнерусской книжности.

Уже в «Повести временных лет», как и в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, звучит мысль о том, что «Премудрость христианской веры есть та самая мировая Премудрость Божия, которая должна наставить людей искусству правления городами и народами... С Премудростью русская священная держава не ниже греческой» [24].

В связи с этим возникает одна из главных идей древнерусской книжности 11-12 вв. – идея уподобления русской державы священной греческой, князя Владимира (мудрого правителя Руси) императору Константину (созидателю Византии), сакрального града русской земли Киева – столице Византии Константинополю, а храма Софии Киевской – Константинопольской Софии.

Как уже отмечалось, византийское понимание упорядоченной и разумно обустроенной вселенной силой Божественного Слова наиболее ярко отразилось в «Слове о законе и благодати митрополита Илариона». Средневековая дихотомия старого – нового воплощается здесь в идее обновления и противопоставления непросвещенного ветхозаветного универсума (закона) софийно обустроенному микрокосму Нового Завета (благодати).

Иларион здесь не случайно использует новозаветные трактовки ветхозавет-

ных текстов, так широко распространенные в богословской практике Византии. Вводя новозаветную терминологию для описания софийного универсума благодати, Иларион приобщает к Дому (Храму) Божественной Премудрости и Русскую землю, и князей, и всех просвещенных христиан, отвергая ветхозаветную предопределенность закона («..явилась Божия Благодать всем людям в реке Иордан, и устроил Бог великое пиршество с возлюбленным Сыном Своим, созвав на общее веселие ангелов и людей») [24].

Божественная благодать уподобляется Иларионом покровительнице и защитнице градов, ей же посвящается храм Св. Софии. Немецкий словист Л. Мюллер намекает на мозаику в апсиде этого собора, изображающую молящуюся Богородицу. За кого и кому она молится, сообщает надпись над мозаикой, текст которой взят из псалма 46, стиха 6: «Бог посреди его; он не поколеблется; Бог поможет ему с раннего утра» [25]. Богородица молится за софийный град, и Бог не оставит его.

В данном случае происходит интересное и характерное для древнерусского сознания уподобление образа Софии, заменившего языческую Мать-землю, другому женскому образу христианства – Богородице. Именно Богородицу, а потом и тождественную с ней Софию Премудрость Божию средневековые русские христиане стали именовать заступницей перед Богом и защитницей от внешнего хаоса.

Поэтому в молитве митрополита Илариона Богородице есть подтверждающие эту мысль слова: «..мир утверди, враждебные страны укроти, города умножь, достояние своё убереги, церковь свою укрепи» [26].

Следовательно, тема обновления старого ветхозаветного мира домостроительной силой Божественного Логоса Нового завета получила свое распространение в древнерусской книжной культуре 11-12 вв. на примере сочинений Климента Смолятича, Кирилла Туровского, также «Повести об убиении Андрея Боголюбского» [27].

Таким образом, византийское богословие 11-12 вв., развивающее идею о домостроительной сущности Софии, Премудрости Божьей, получило свое продолжение в христианском строитель-

стве Древней Руси: воздвижении софийских храмов и развитии начал оригинальной литературы.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Софиология и мариология: предварительные замечания // Новая Европа. 1997. №10. С.90.; К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство: художественная культура Домонгольской Руси. М., 1972. С.25-49.
2. Аверьянова Ю.В. Отражение софийной идеи Домостроительства в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» // Древняя Русь. 2002. №1(7). С.90-94.
3. Мейендорф о. Иоанн. Тема Премудрости в восточно-европейской средневековой культуре и ее наследии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С.43-50.
4. Плюханова М.Б. О традициях Софийских и Успенских церквей в русских землях до 17 века // Лотмановский сборник 2. М., 1997. С.483-504.
5. Там же. С.485.
6. Там же. С.485.
7. Там же. С.486.
8. Лихачев Д.С. Тысячелетие русской культуры // Альманах библиофила. Тысячелетие русской письменной культуры. Вып. 26. М., 1986. С.49-50.
9. Там же. С.49.
10. Художественно-эстетическая культура Древней Руси 11-17 века / Под ред. В.В. Бычкова. М., 1996. С.46.
11. Преп. Иоанн Дамаскин. Христологические и полемические трактаты. Слова на богородичные праздники. М., 1972. С.36.
12. Мейендорф о. Иоанн. Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. М., 2001. С.24-25.
13. Там же. С. 26.
14. Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи... С.47.
15. Мейендорф О. Иоанн. Византийское богословие... С.281.
16. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры. Т.1. Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М.: СПб, 1999. С.332.
17. Аверинцев С.С. Софиология и мариология: предварительные замечания // Новая Европа. 1997. №10. С. 99.
18. Св. Григорий Нисский. Изучение Песни Песней Соломона. М., 1999. С.238.
19. Подскальски Г. Христианство и богословская литература Киевской Руси (988 -1237). М., 1996. С.434.
20. Там же. С.434.
21. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуре: Предварительные замечания // Новая Европа. 1997. № 10. С. 99. С.7-107.
22. Иларион Слово о законе и благодати // Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С.225.
23. Биллингтон Дж. Лики России. М., 2001. С.19-26.
24. Подскальски Г. Христианство и богословская литература Киевской Руси (988-1237). М., 1996. С. 436. С.438.
25. Там же. С.436.
26. Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи... С.36
27. Иларион Слово о законе и благодати...С.238.
28. Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С.146-147.
29. Иларион Слово о законе и благодати... С.267-268.
30. Ундиренко Ю.В. Отражение софийной идеи домостроительства в повести об убиении Андрея Боголюбского // Древняя Русь. 2002 31 (7). С.90-95.